

КОРНИ И ВЕТВИ

В конце концов, народ - это множество семей, маленькие ручейки, стекающиеся в единую, общенародную реку. И какова она, эта река - полноводная или скудеющая, - зависит именно от семьи - главной народной единицы. Наш характер, наша сила, наше прошлое, настоящее и наше будущее, радость наших приобретений и горечь безвозвратных утрат - все это тоже в ней, в семье. Может быть, мы должны говорить о семье именно сегодня, в нелегкий для армянского народа час, когда инстинкт самосохранения неумолимо и властно выталкивает десятки тысяч семей с оскудевшей родной земли. разбрасывает их по странам и континентам, разрывает родственные связи, бросает навстречу новым испытаниям. Чем обернется для нашего народа этот новый исход?

Вера в будущее армян - это вера в армянскую семью. Только в ней может сохраниться та ткань национальной жизни, крупными передаваемая от поколения к поколению и пронесимая чередой сменяющихся друг друга семей через тысячелетия, которая собственно и делает народ - народом, а не простым собранием разновозрастных индивидуумов. Думая о будущем, мы зачастую оглядываемся на прошлое, пристально и пристрастно ища в нем ответы на наши сегодняшние сомнения...

Немало славных армянских родов можно выбрать для рассказа об армянской семье. Мы хотим поведать вам сегодня о семье Лисициан, точнее, об одной ее ветви, тифлисской. Причем нами выбрана та ее часть, представители которой были более склонны к научной работе (в этой семье сильны также художественные наклонности). Редакция надеется в следующем номере продолжить публикацию материалов о других представителях семьи Лисициан. Жаль, что мы можем дать только краткие сведения и к тому же далеко не о всех представителях семейства — такова уж специфика журнальных материалов. Но нам хотелось бы надеяться, что даже в этом очень кратком изложении читатели смогут уловить тот смысл, который мы вкладываем в слова «корни и ветви».

Назели ЛИСИЦИАН

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ИСТОРИИ СЕМЬИ ЛИСИЦИАН

Моим прадедом был Христофор Лисициан, который жил в Моздоке и долгое время занимал пост городского головы (мэра).

Один из его сыновей, Даниил, мой дед, переехал в Тифлис, другой, Павел, - во Владикавказ, откуда пошли тифлисская и, соответственно, владикавказская ветви рода Лисициан. К владикавказской ветви принадлежит широко известный в стране народный артист СССР Павел Лисициан, 90-летие которого праздновалось совсем недавно. Но сегодняшний наш рассказ - о тифлисцах.

Мой дед, Даниил Христофорович, окончил медицинский факультет Дерптского университета. Участвовал в русско-турецкой войне, получил чин генерала. Имел большой авторитет в Тифлисе, открыв за свой счет больницу для бедных.

Об отношении к нему хорошо говорит один факт. Когда мой дед был тяжело болен, то горожане застелили улицу сеном, чтобы проезжающие кареты не беспокоили своим шумом больного.

Старые семейные фотографии обладают особой, неповторимой притягательностью. Наверное, потому, что время, вечно бегущее, ускользающее, неуловимое, здесь, на этих фотографиях, внезапно, замирает и можно вдумчиво, пристально рассмотреть остановленное мгновение...

Семья Даниила Лисициана. 1879 г.
Слева направо стоят: Саак, Абгар, Христофор, Трдат,
в среднем ряду: Степан, Даниил (отец), Мариам (мать),
в третьем ряду: Тигран, Вартан, Србуи

Взгляните на эту фотографию. На ней мой дед Даниил Христофорович, его супруга Мариам и восемь детей.

Вглядываясь в фотографию, я на лицах дедушки и бабушки вижу спокойное достоинство людей, выполнивших и выполняющих свой долг перед собой, перед семьей, перед людьми. Им еще неизвестно, что их детям, внукам, правнукам будут начертаны жизнью такие разные судьбы, порой блестящие, порой трагические, что бурные события в стране, которая казалась им в тот момент такой устойчивой, бросят позже трагический отблеск на некоторые ветви их семейства...

Но все это будет позже...

Один из сыновей, Степан (на фотографии он сидит рядом с моим дедом), мой отец, поехал учиться в Варшаву.

Степан Лисициан – студент
Варшавского университета,
1889 г.

Об отце Степане Лисициане

Степан Данилович Лисициан родился 23 сентября 1865 года. В 1884 году окончил Тифлисскую первую мужскую гимназию, в 1889-м - историко-филологический факультет Варшавского университета. Степан Лисициан получает приглашение остаться при университете для подготовки к профессуре, но свое будущее он желает неразрывно связать с судьбой своего народа.

Он возвращается на Кавказ. И многие десятилетия - почти 60 лет - посвящает делу просвещения армянского народа, служению науке. Он не только трудился сам, он мог увлекать других. Обладая редким сочетанием интеллектуальных и организаторских способностей, он умел сплачивать вокруг общей идеи творчески одаренных людей. И когда про него говорят: ученый, педагог, арменовед широкого профиля, издатель, детский писатель, переводчик (он знал 12 языков), историк, - необходимо добавить: организатор.

После окончания университета Степан Лисициан начинает работать преподавателем русского языка в Эчмиадзине в духовной семинарии, затем (в 1891г.) переезжает в Тифлис.

Отцу хотелось самому - без искажений, привносимых чужой волей, - провести в жизнь свои взгляды на армянское воспитание и просвещение, и его давней мечтой было - открыть свою школу и издавать свой детский журнал. Лишь в 1898 году удалось добиться этого.

Вместе с моей матерью, Екатериной (Катаринэ) Христофоровной, он добивается разрешения на открытие начальной армянской школы с совместным обучением детей обоего пола (в те времена это было редким явлением). Вот что писал об этом сам отец: «Мы с женой поставили себе задачей создать среднюю школу для совместного обучения детей обоего пола

согласно последним требованиям педагогической теории и практики. Мною были широко использованы наблюдения над построением преподавания и внутренней жизнью школ и учительских институтов нового типа в Европе, накопившиеся у меня во время поездок по Швейцарии, Франции, Австрии (Чехии), Германии (Саксонии), Турции (американские школы)».

В период с 1911 по 1921 год школа имела статус и права гимназии. В советское время она была преобразована сначала в трудовую школу, затем в техникум. Директором ее все это время оставался отец, который, кроме того, преподавал историю.

Жизнь отца неразрывно связана с армянским издательским делом в Закавказье. В 1892-1893 годах он издавал и фактически редактировал журналы «Ахбюр» и «Тараз», в котором впервые выступили многие молодые поэты (в том числе Ав. Исаакян, Д. Демирчян), романист Ширванзаде. Более десяти лет (1892-1903) он был членом-секретарем редакционной комиссии Тифлиского армянского издательского общества. Власти закрывают это общество. Тогда отец организует Товарищество на вере «Ст. Лисициан и Комп.» для издания на армянском языке произведений передовой европейской культуры и армянской классики.

Обладая разносторонними интересами, отец не просто поддерживал дружеские отношения, но тесно сотрудничал со многими одаренными людьми. Особое значение он придавал детской литературе, которая, как известно, была одной из ветвей творчества Ов. Туманяна, и именно в этой области интересы отца тесно переплетались с творчеством поэта долгие годы - вплоть до кончины Туманяна. Плодом этого сотрудничества стал, в частности, учебник армянского языка для I-V классов «Лусабер» («Утренняя звезда»), составителем которого, помимо их двоих, был Левон Шант (Левон Сехбосян).

Одновременно отец сотрудничал с Ов. Туманяном и в детском журнале «Аскер» («Колосья»), который издавал на свои собственные средства. Работа над «Лусабером» обычно протекала летом, в основном на одной из дач, которую ежегодно снимали мои родители недалеко от Тифлиса.

Издание журнала претерпевало зачастую финансовые трудности. Отец не только не получал гонорара за публикацию своих статей в нем, но и вкладывал в издание журнала все жалованье, получаемое за преподавание в семинарии Нерсисян, где он проработал более двадцати лет. Сам же ограничивался жалованьем, получаемым за работу в гимназии. Большую же часть технической работы по изданию и распространению журнала выполняли члены нашей семьи.

Выходивший в Тифлисе с 1907 по 1922 год «Лусабер» был в то время фактически единственным учебником армянского языка в Закавказье, и трудно переоценить его роль в образовании и воспитании армянских детей. В 1911 году отец осуществил издание «Лусабера» на западноармянском литературном языке в Константинополе, где неоценимую помощь оказал ему Л. Шант. Ведь издание здесь учебника не могло быть механическим переводом на западноармянский язык с восточноармянского: необходимо было всемерно в нем отразить (в том числе - и в иллюстрациях) своеобразие местной жизни и обычаев. Л. Шант же, как уроженец тех краев, их прекрасно знал. Дружба Л. Шанта с отцом зародилась еще в начале 90-х годов XIX века, когда отец преподавал в духовной семинарии в Эчмиадзине, студентом которой был Шант. Отец мой был всего на четыре года старше него, и завязавшаяся между ними дружба продолжалась долгие годы.

Совместно изданный ими учебник «Лусабер» длительное время - вплоть до 1960-х годов использовался в армянских школах разных стран мира. Мне вспоминается, например, что значительно позднее, в моем уже зрелом возрасте, во время поездок по ряду европейских

городов при встрече с жившими там армянами от многих доводилось слышать, что в школе они учились по «Лусаберу».

Одновременно с выпуском «Лусабера» у отца с Ов. Туманяном постоянно шла большая подготовительная работа по изданию каждого очередного номера журнала «Аскер». По признанию моих знакомых-сверстников из зарубежных армян, многие из них познакомились с образцами иностранной литературы именно благодаря «Аскеру» и «Лусаберу», так как в этих журналах, наряду с оригинальными произведениями Ов. Туманяна, Ст. Лисициана и других видных армянских литераторов, публиковались и образцы русской и зарубежной классики в переводах отца. Помимо Ов. Туманяна, в «Аскере» печатались Ав. Исаакян, А. Ширванзаде, Г. Агаян, О. Ионесян, А. Хнкоян, А. Айрапетян, В. Суренянц, П. Терлемезян, В. Папазян, Г. Башинджагян, Е. Татевосян, В. Ахикян, Роттер и др., причем многие из них начинали свой творческий путь именно в этом журнале. Первые ноты Комитаса напечатал мой отец. Аветик Исаакян письма к отцу начинал словами: «Моему дорогому учителю...».

Нередко, и особенно перед выходом каждого номера журнала, собирался редакционный совет. На его заседаниях присутствовали, будучи еще гимназистами, моя сестра Србуи и брат Левон. Я же была значительно младше и, естественно, участия не принимала. Мнение Левона и Србуи, как первых детей-читателей, редакция принимала во внимание, но не всегда. Так, моя мать вспоминала, что на одном из заседаний много споров возникло вокруг концовки знаменитого рассказа Ов. Туманяна «Гикор»: Србуи и Левон с волнением возражали и даже плакали из-за смерти Гикора, просили и требовали, чтобы он выздоровел, встал на ноги. Но поэт, а также мой отец и весь редакционный совет считали, что воздействие рассказа значительно усиливается именно потому, что его герой умирает.

В один из своих приездов из Москвы в Ереван я навестила вдову поэта (это было незадолго до ее смерти). Она была уже в преклонном возрасте, плохо видела, но сохранила ясную память. Тетя Оля, как я ее называла, попросила, чтобы за чайным столом меня посадили рядом с ней. Она положила свою руку на мою и много-много вспоминала о дружбе Ованеса и Степана. Но особенно ярко сохранилась в моей памяти фраза, сказанная ею весьма убедительно: «Если бы не Степанос, Ованес не закончил бы многие свои произведения»...

В 1924 году отец с семьей переезжает в Ереван, где во вновь созданном университете начиная с этого времени и до конца своей жизни (1947г.) читал курс физической и исторической географии Армении и Закавказья, а также и курс этнографии.

Послереволюционное развитие армянской этнографии во многом определялось идеями и энергией Ст. Лисициана. Он очень хорошо сознавал, что новое послеоктябрьское переустройство Закавказья, когда бывшие многонациональные российские губернии радикально преобразовывались в национальные республики, связано с неизбежным исчезновением целых пластов народной жизни, и спешил зафиксировать ее неповторимые черты и тем самым сохранить их для будущих поколений.

Среди этнографических работ отца особое место занимает труд «Армяне Нагорного Карабаха», отрывки из которого публикуются в данном номере журнала «АВ». Большой интерес представляет его работа «Очерки дореволюционной Армении», изданная АН СССР в 1955 году в серии «Народы мира».

Его имя присвоено этнографическому отделу исторического музея Армении, одной из ереванских средних школ. Учреждены четыре стипендии его имени в Ереванском университете.

Жизнь Ст. Лисициана - это путь ученого-патриота, который не просто осознавал, но и смог выполнить свой долг перед собственным народом. Понимая, что будущее народа неразрывно связано с просвещением, он все отпущенные судьбой силы и способности отдавал делу народного образования и культурного развития.

О сестре Србуи Лисициан

Србуи Степановна Лисициан-Азарапетиан внесла существенный вклад в развитие отечественного пластического танца. Если мой отец, Степан Лисициан, был, в частности, педагогом и этнографом, то можно сказать, что Србуи продолжила эти направления отцовской деятельности в одной области - в области народного танца. Она стала основателем научной школы этнохореографии, заслуженным деятелем науки Армении.

Первые танцевальные навыки она приобрела в 1915-1917 годах в Москве, где училась на Высших женских курсах им. Герье, одновременно брала уроки «живого слова» у известной чтицы Озоровской, а также занималась в студии ритмики и танца Инны Самойловны Чернецкой, которая, в свою очередь, училась в 1910 году у сестры Айседоры Дункан Элизабет. Провозглашенный Дункан принцип «свободно танцующего тела» (в противовес телу «закрепленному» в классическом балете с целью твердой устойчивости на пуантах) Србуи усовершенствовала, вводя ряд новшеств:

- разработку необходимой техники пластического танца;
- правила композиции телодвижений, т.е. координацию движений отдельных частей тела;
- всестороннее органическое сочетание между танцевальным движением и соответствующим музыкальным произведением и др.

Эти усовершенствования были объединены в цельной комплексной системе, которая включала как опыт классического балета, так и богатые традиции танцевальной культуры Востока. Эта система была внедрена в руководимом Србуи Тифлисском институте ритмики и танца (в 1917-1923гг. назывался Студией ритмики и танца). Уделяя особое внимание техническим упражнениям, главной, конечной задачей она считала возможно более полное отражение в движениях самого «духа» исполняемого музыкального произведения, раскрытие основного замысла композитора. Так возникала гармония музыки и танца.

Быстро рос авторитет института как в Тифлисе, так и в других городах Закавказья, где проходили его гастроли.

Если в 1917 году в институте занималось всего три человека, то в 1920-м - уже 160. Наркомпрос Грузии в 1924 году решил командировать группу выпускников института в Москву для показа наших достижений.

В Москве нам сопутствовал успех. Вл.И. Немирович-Данченко пригласил нас выступить 3 марта 1924 года на сцене МХАТ. Позже он направляет благодарственное письмо Србуи Степановне («...мы все были искренне захвачены достижениями Ваших воспитанниц...»).

Творчеством коллектива заинтересовался нарком просвещения РСФСР А.В. Луначарский. Он дважды посетил представления, на одном из них выступил перед публикой и, кроме того, присутствовал на специальном расширенном заседании Российской академии художественных наук (РАХН) 12 марта 1924 года, на котором после показа репертуара института развернулось широкое обсуждение. Весьма примечательно заключение, сделанное председательствовавшим на этом заседании профессором А. Сидоровым: «Молодая Грузия дала людей с европейской квалификацией, которые в своей работе над постановкой выразительности человеческого тела и искусства движения в чисто научном масштабе опередили Москву». Луначарский свою высокую оценку результатов деятельности института дал в письме на имя наркома просвещения Грузии.

Было организовано два выступления в Колонном зале Дома Союзов. Это характеризовало отношение к коллективу не только потому, что Колонный зал был одной из самых больших концертных площадок столицы, но и потому, что наши концерты были одними из первых, которые проводились здесь после смерти Ленина, так как ритуал прощания с телом вождя проходил именно в этом зале. За месяц пребывания в Москве коллектив дал одиннадцать полных концертов и трижды участвовал в различных сборных концертах города.

После успеха в столице интерес к нашему институту в Тифлисе еще более возрос. Наши выступления все больше привлекали публику. На одном из них присутствовал Сталин, посетивший Тифлис летом 1926 года. После концерта он высказал работникам Заккрайкома свою положительную оценку и рекомендовал ознакомить с достижениями института и зарубежные страны.

Осенью 1926 года Наркомпрос Грузии командировал группу выпускников института во главе с Азарапетиан в Германию. Группа оказалась малочисленной - всего три человека (а одна из учениц Србуи Степановны уже находилась в Германии по семейным обстоятельствам; там она присоединилась к ним). Причина малочисленности - отсутствие материальных средств в Наркомпросе. А на свои средства удалось выехать всего троим, а также Србуи Степановне (она поехала вместе с шестилетним сыном, а ее муж Л.Я. Азарапетиан уже находился в Германии).

Выступления в Германии пользовались большим успехом. Мы выступали в четырех городах - Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге и Дюссельдорфе - по одному месяцу в каждом (ежедневно, а по воскресеньям два раза в день). Во всех этих городах мы исполняли одни и те же три танца, которые выбрал импресарио Спадони на предварительном просмотре в Берлине, когда был показан почти весь репертуар. Это были: «Восточный танец» - композиция из нескольких пьес С. Бархударяна, его исполняло трио Л. Каспарян, Н. Лисициан и Д. Тер-Саркисян, а также два танца из большой пантомимы «Египетская ночь» на музыку Аренского, поставленной Србуи Степановной в Тифлисе: «Укротительница змей» в исполнении Е. Алибеговой и арабский танец «Гази», который исполняли Л. Каспарян и я.

В промежутках между длительными гастрольями и после их окончания мы выступали на нескольких театральных площадках Берлина, участвовали в концертах, устраиваемых в советском посольстве. Наши выступления проходили с неизменным успехом.

Кроме того, Србуи Степановна некоторое время вела занятия с учениками школы при

посольстве, а также в творческой организации, возглавляемой сыном известного деятеля компартии Германии Вельгельма Пика «Красные блузы» (Rote Blusen).

Вернувшись в 1929 году на родину вместе с участницами гастролей и сыном (ее муж не пожелал возвращаться, и она развелась с ним в Берлине), она по приглашению в следующем году переехала в Ереван, где и прошла вся ее оставшаяся жизнь (ум. в 1979г.).

Жизнь эта была насыщена очень напряженной и плодотворной работой. Србуи продолжала вести педагогическую и режиссерскую деятельность, а затем постепенно переключилась на научно-исследовательскую работу.

Результаты ее творческой деятельности обширны и разнообразны. В этот «совокупный результат» можно включить то большое литературное наследие, которое она оставила в области истории (истоков и развития) народного танца. В ее трехтомной монографии «Старинные пляски и театральные представления армянского народа» не только отражены особенности национального танца, но и выявлены общие закономерности народного танца, перекликающиеся с закономерностями, присущими танцам других народов. Анализ, одновременно выявляющий специфическое и общее, - главный путь постижения культур разных народов, и исследования Србуи Степановны, находясь в русле этого подхода, помогли сохранить для потомства народное танцевальное творчество. Не случайно Паруйр Севак, говоря об этой стороне деятельности Србуи, назвал мою сестру «Комитасом танца».

Достоверность фиксации народных танцев, собранных ею, а также собираемых ныне в различных районах Армении, достигалась благодаря изобретенной сестрою системе записи движения (кинетогрфия). Монография об этой системе, вышедшая в Москве в 1940 году в издательстве «Искусство», и по сей день представляет существенный интерес.

Многие труды Србуи Степановны находятся в рукописях и еще ждут своих исследователей.

Все, что сказано выше, сказано о ее творческих устремлениях, работе, вкладе в искусство и науку, исследованиях, трудах. Но была и просто жизнь - женщины, матери. В этой жизни Србуи не обошла страшная трагедия, столь характерная для 30-40-х годов.

Ее сын Ролан - вдумчивый и искренний молодой человек - не мог не понимать того, что творилось в стране. В своем дневнике он записал: «Мы так много аплодируем Сталину, что у нас скоро будут мозоли на руках». Он делился своими сомнениями с товарищами. Этого не могли не заметить и простить. Ролан был арестован и по распоряжению «особого совещания» в начале 40-х годов расстрелян в свои двадцать лет. Так трагедия страны преломилась в личной трагедии моей сестры и ее сына.

О моем брате Левоне Лисициане

Левон, как и мы с сестрой Србуи, рос в характерной атмосфере, царившей в нашей семье, которая в то время жила в Тифлисе. Все мы, трое детей, были постоянными свидетелями неутомимой педагогической и общественной деятельности наших родителей. Убеждения и характер Левона, заложенные в семье, получили дальнейшее развитие в годы ученичества, студенчества и всей последующей жизни.

Левон был горяч и вспыльчив, но быстро отходил. Пользовался любовью и уважением окружающих благодаря своей общительности и остроумию. Брат был строен, выше среднего роста, у него были карие глаза, правильные черты лица, он очень нравился женщинам. Левон прекрасно играл на скрипке, ведь он окончил тифлисскую консерваторию. Одно время все думали, что он станет скрипачом. О его музыкальном даровании свидетельствует следующий факт поры его юности. Когда однажды Левон выступил на ученическом концерте в консерватории, известный скрипач Ованес Налбандян не смог себя сдержать, поднялся на сцену, обнял мальчика с мечтательными глазами, провел рукой по его курчавым волосам и сказал: «Ты станешь настоящим скрипачом, никогда не бросай скрипку» (Акопян. «Путь армянского интеллигента»), - и хотя в дальнейшем тяга к научным исследованиям перевесила у Левона стремление к музыке, он всегда продолжал играть на скрипке.

Закончив Тифлисскую гимназию с золотой медалью, он в 1909 году поступил в Мюнхенский университет, но поскольку занятия там его не удовлетворили, перевелся на историко-филологический факультет Московского государственного университета. За активное участие в студенческих демонстрациях, вызванных похоронами Льва Толстого, брат был исключен из университета.

В это время наш отец Степан Данилович находился в Вене с целью ознакомления с методикой обучения различным предметам в австрийских средних школах и для изучения ряда материалов по истории Армении, имевшихся в Венской конгрегации мхитаристов.

Опасаясь, что Левона могут арестовать, отец срочно вызвал его в Вену, где Левону в 1911 году удалось сразу же поступить в университет и обратить на себя внимание преподававшего там профессора Иосифа Стржиговского, будущего автора двухтомной монографии «Архитектура Армении и Европа» (Die Baukunst der Armenier und Europa), изданной в 1918 году в Вене на немецком языке.

Я горжусь тем, что в подготовке этой монографии активное участие принял и мой брат, трагически погибший в 1921 году. Признание И. Стржиговским такого участия Левона Лисициана в работе выразилось, в частности, в том, что он поместил его имя на титульном листе монографии наряду с именем своего ассистента, доктора Генриха Глюка. Имя же Тороса Тораманяна автор выделил на этом листе особо, подчеркнув, что в данной монографии использованы его рисунки.

И. Стржиговский имел степень доктора философии, многочисленные работы и успел завоевать широкое признание в научном мире. Его публикации базировались на исследованиях, осуществленных в Греции, Турции, Египте, Армении. Он работал также в Германии. Одно из направлений его исследований - вклад Востока в общечеловеческую цивилизацию, причем он стремился выделить то, что внесла каждая из этих стран, в частности Армения. В 1909 году Стржиговский был приглашен в Вену в качестве руководителя венской школы истории искусств.

Вскоре после поступления в Венский университет Левон стал, как писал крупный специалист в области древней армянской архитектуры - академик архитектуры Республики Армения В.М. Арутюнян, «правой рукой» И. Стржиговского и принимал деятельное участие во всей научной работе созданного при Венском университете института, специализируясь в области общей истории искусств и, в частности, в области истории армянской архитектуры. Отмечая исключительные качества Левона - пылкий ум и широкую любознательность, знание ряда языков (он свободно владел русским и немецким, знал древнеармянский, французский, английский, грузинский и латынь, изучал греческий, санскрит), невероятную

трудоспособность (Л. Лисициан находил время и для занятий в Венской конгрегации мхитаристов), хорошее знание древних армянских рукописных источников, энтузиазм в пропаганде армянской культуры, В.М. Арутюнян подчеркивает, что Левон Лисициан оказался настоящей находкой для Стржиговского, монография которого имела большое научно-практическое значение: «В ней автор последовательно выдвигает и обосновывает точку зрения о самобытности армянской архитектуры, которая некоторое время опровергалась со стороны некоторых европейских ученых... Указанная монография в значительной мере способствовала широкой пропаганде в ученом мире научного наследия армянской архитектуры, выявила самостоятельные пути формирования и развития последней, содействовала признанию ее национальной самостоятельности. Автор одновременно смело выдвинул и на фактических данных обосновал то влияние, которое оказала армянская архитектура на определенные области европейской средневековой архитектуры, особенно римской и готической. Именно поэтому монография И. Стржиговского привлекла внимание ученых, вызвала оживленный обмен мнениями, нашла как горячих сторонников, так и противников».

Возникшие между Стржиговским и Леоном учебные контакты вылились, по существу, в прочное научное сотрудничество, особо усилившееся и расширившееся после приезда в Вену Тороса Тораманяна.

Молодой человек становится для знаменитого австрийского ученого сведущим учеником и советником по вопросам армянской культуры. В своей книге И. Стржиговский признается, что его стремления исследовать «памятники архитектуры Армении получили твердую почву только с того момента, когда в 1911 году прибыл в Вену для завершения своего образования в области исторических наук молодой, чуткий к искусству студент-армянин из Тифлиса. В нем автор нашел то, что искал».

Л. Лисициан познакомил И. Стржиговского с некоторыми научными трудами архитектора Тороса Тораманяна, много сделавшего для исследования и сохранения архитектурного наследия армянского народа, осознания его вклада в сокровищницу мировой культуры.

Левон перевел некоторые работы Тораманяна с армянского языка на немецкий. Но особенно большую роль Левон Лисициан сыграл в установлении личного знакомства своего профессора с Т. Тораманяном, в организации приезда последнего в Вену, что было связано с большими материальными трудностями. В решении этого вопроса во многом помогли Левон и наш отец. Сын неоднократно обращался в письмах к отцу с просьбой собрать деньги для поездки Тораманяна, и это Степану Даниловичу удалось успешно выполнить.

После приезда Тораманяна в Вену Левон окружил маститого армянского ученого буквально сыновьей заботой и вниманием, «привел в порядок», как он писал родителям, его внешность (купил ему костюм и др.), устроил с жильем, питанием, пекся о его лечении и т.д. В своем письме Ст. Лисициану от 11 июня 1913 года из Вены Тораманян выражает благодарность за материальную помощь и за то, что «г. Левон безгранично думает и заботится обо мне».

Знакомство проф. Стржиговского с трудами Т. Тораманяна (рукописи некоторых работ Т. Тораманяна, переведенных Леоном на немецкий язык, сохранились в архиве. Например, «Текорский собор» и «Эчмиадзинский собор» / ф.428, с.1, д.103, Л. 18/ЦГИА), а в дальнейшем и их личное знакомство имело решающее значение в организации профессором научной экспедиции в Армению для изучения ее древних памятников, а затем в издании собранных материалов в упомянутой выше монографии. В обобщении этих материалов немалая роль отводилась Левону.

Благодаря приезду Тороса Тораманяна в Вену ускорилась подготовка в институте истории искусств организации научной экспедиции в Армению и четче выявилась роль, отводимая в ней молодому ученому его профессором. Надо думать, что не без чувства большой гордости и радости в июне 1913 года он сообщил родителям, что Стржиговский «предложил мне исследовать историю армянской архитектуры и избрать ее в качестве

диссертации. Однако сейчас, видимо, это дело должно еще более расширяться. Должна быть составлена обширная программа, в ее составлении должны участвовать Стржиговский, Тораманян и я, с целью издания на немецком языке фундаментального исследования об армяно-грузинской архитектуре; каждому из нас вменяется определенная обязанность... завершением должна стать моя работа об армянской архитектуре, которая должна быть опубликована институтом».

И. Стржиговский, выражая свое желание, чтобы эта работа была начата возможно скорее, говорил, как писал Левон, что «он в ее осуществлении надеется на меня», а также выражал мнение, что «из меня должна будет «выйти значительная научная сила».

Одна характерная деталь: в письмах Левона к родителям, как правило, сравнительно мало говорится о бытовых, обыденных делах, в то время как очень подробно, в деталях освещается научная и иная работа, которую он вел, живя вне родного дома. И это понятно, ибо отец и сын имели одну специальность: отец, окончив в 1889 году историко-филологический факультет Варшавского университета, всю свою почти 60-летнюю деятельность в дальнейшем посвятил исследованию и преподаванию истории, этнографии и географии Армении. Наша мать - Екатерина Христофоровна - преподавательница русского языка в организованной и руководимой ею гимназии, также очень интересовалась письмами сына по поводу его занятий и работы. Вся переписка между ними велась на армянском языке, и каждое письмо занимало обычно не менее четырех страниц.

Весьма весомая роль отводилась молодому ученому и в предпринятой в сентябре 1913 года научной экспедиции в Армению. Левон не только выполнял обязанности переводчика, но и оказался сведущим в расшифровке надписей, сохранившихся на древних архитектурных памятниках, и, конечно, помог в установлении контактов австрийских ученых с местным населением. Одна из любопытных встреч состоялась у членов экспедиции в Александрополе (позже - Ленинакан; теперь Гюмри) с любителем-краеведом Караняном в его доме. Эта встреча описана Стржиговским в предисловии к его монографии, а также была зафиксирована на фото.

Наряду с собранными во время экспедиции материалами, весьма существенным источником для завершения исследований и последующей подготовки монографии послужил тот фактический материал, который Т. Тораманян привез с собой в Вену: сделанные им чертежи, зарисовки, обмеры, пояснения к ним, а также планы реконструкции некоторых архитектурных памятников. Особенно следует заострить внимание на сделанном им плане по восстановлению известного храма Звартноц. Самого Тороса Тораманяна И. Стржиговский в своей монографии назвал «мучеником армянских памятников».

И в самом деле, Т. Тораманян ради своей трудной, но горячо любимой работы по изучению древних архитектурных памятников Армении терпеливо переносил все житейские невзгоды. Ведь для осуществления этой работы ему приходилось подолгу проживать в исследуемых им, давно заброшенных и развалившихся церквях и монастырях, естественно, не отапливаемых и сырых. Они обычно находились в стороне от жилых мест. В результате его здоровье сильно пошатнулось, к примеру, он очень страдал от мучившей его малярии. Об этом свидетельствуют не только его письма, - в частности, адресованные Лисицианам, - но и мои личные воспоминания, сохранившиеся от встреч с ним, которые имели место в начале прошлого столетия в Тифлисе, когда он с семьей временно жил во флигеле, предоставленном ему моим отцом во дворе нашего дома. Поскольку у Т. Тораманяна с моим отцом было много общих научных интересов, он нередко бывал у нас дома, и я с болью в сердце слышала его сильный кашель, да и разговаривал он глухим голосом.

Следует подчеркнуть, что в этом «научном трио», в этом «венском содружестве» Левон участвовал, по существу, на равных с двумя маститыми учеными, а ведь ему было тогда всего двадцать лет! При этом каждый из членов данного содружества вносил свой собственный вклад в достижение их общей цели. Хотя эта цель, казалось, и была достигнута изданием монографии И. Стржиговского, однако не полностью: как утверждал автор, необходимо было продолжить начатое исследование.

В тот период сделать это оказалось невозможным из-за начавшейся войны. Левону пришлось срочно выехать из Вены в Тифлис. Но в наши дни, как представляется, встает вопрос о продолжении данного и смежных исследований. А в связи с этим возникает и необходимость издания обеих томов книги «Архитектура Армении и Европы». Перевод с немецкого языка на русский этой книги, «ставшей для отечественных ученых библиографической редкостью, был сделан почти полвека тому назад».

Вскоре после возвращения в Тифлис Л. Лисициан вступил в ряды одной из армянских добровольных дружин. В предисловии к статье «Об архивных документах Левона Лисициана» освещается его активное участие в работе этих дружин: «Он едет на русско-турецкую границу. Бывает в Эчмиадзине, Игдыре, Диадине, Баязете, Саракамыше: сначала как боец 5-й Армянской боевой дружины, а затем как уполномоченный комитета братской помощи армянским беженцам в Баязете. В тяжелых условиях он прилагает большие усилия в оказании им посильной помощи» («Вестник архивных документов Армении». 1973, №1, стр.183-196; на армянском языке). В своих письмах брат с болью пишет о бесконечных потоках беженцев, о переживаемых ими бедствиях, о создавшихся тяжелых условиях. И несмотря на это, инстинкт ученого продолжает жить в нем. В Баязетском районе он собирает предметы, представляющие этнографический интерес, выступает в печати с полемикой по вопросам языкознания, заботится о посылке Петербургскому археологическому обществу фотокопий с предметов (камней), обнаруженных в Талише и имеющих научную ценность, делает наброски с армянских архитектурных памятников.

Левон заболевает сыпным тифом. После выздоровления, вернувшись в Тифлис, он решает осуществить свою давнишнюю мечту - заниматься в Петербурге у Н.Я. Марра, а также у знаменитого скрипача Ауэра. Однако вскоре брату пришлось вновь вернуться в Тифлис из-за призыва на учебу в военную школу. В Петербурге он познакомился со своей будущей женой - Еленой Аветовной Назарбек, которая училась там в консерватории (она была дочерью известных гнчакистов Маро и Авета Назарбек, которые долгие годы жили за границей как политэмигранты). В 1919 году они поженились в Тифлисе.

В 1918-1920 годах Левон работал в Тифлисе сначала у братьев Маиловых, занимаясь вопросом полезных ископаемых Армении, а затем на очень важной работе - в «военно-исторической комиссии по выявлению жертв армян в первой мировой войне» (комиссия входила в бюро, председателем которого был Ов. Туманян). Председателем комиссии был разносторонний, талантливый человек - генерал Кулебякин, а ее ученым секретарем - Левон. Комиссии было поручено подготовить для представительства в Париже доклад, вариант которого был составлен Левон. Сохранилось высказывание Левона Лисициана о генерале Кулебякине: «В качестве председателя и главного редактора этой военно-исторической комиссии был приглашен полководец Александр Кулебякин, известный как поэт и романист, который уже опубликовал несколько поэтических произведений об Армении... В то время он был непосредственным участником всей войны на русско-турецком фронте с начала до последнего периода и, имея исключительную память и большой дар большого писателя, действительно должен был считаться наиболее подходящим». Генерал очень хорошо относился к Левону и, видимо, очень любил его, о чем свидетельствует проникновенное стихотворение, посвященное им памяти Левона и написанное к первой годовщине со дня его гибели («Ты жив, герой! Я в смерть твою не верю...»).

Видимо, именно потому, что Левон являлся ученым секретарем и обладал научным опытом, он был привлечен к общению собираемых комиссией документов о положении армян на различных фронтах. Поэтому, надо полагать, именно у него сосредоточивались те важные документы (в том числе и генерала Андраника), которые были много позже обнаружены мной в Москве (спустя 50 лет) в квартире тогда уже покойной вдовы Левона.

Левон работал в военно-исторической комиссии до сентября 1920 года. Крайне тяжелое положение Армении вновь побудило его оказать родине свою посильную помощь. Власти поручают ему организовать работу в новой структуре культурно-исторических учреждений, в частности в Эчмиадзине, Матенадаране.

В дни февральского восстания 1921 года Левон был схвачен и брошен в тюрьму. На следующий день с ним безжалостно расправились. Рассказывая об этой жестокой расправе, Ким Бакши написал: «Его просто-напрасно зарубили». Это стало трагедией не только для нашей семьи, но и для всех наших друзей.

Ов. Туманян был потрясен, узнав о трагической кончине Левона. В письме своим детям в Тифлис из Еревана, где поэту сообщили эту весть, он делится переживаниями: «... не можете себе представить, как сразила подобно молнии история его убийства... Бедный Степан, бедная госпожа Катаринэ, как они будут жить дальше. Бедный Левон, такой молодой, такой подготовленный».

Дочь поэта Нвард впоследствии рассказывала, что, когда они с отцом решили прийти к нам, чтобы морально поддержать в эту скорбную пору, Ов. Туманян никак не мог найти в себе силы войти в дом. Несколько раз они обошли вокруг дома, прежде чем решились на встречу с моими родителями и всеми нами. Туманян любил Левона не только как сына своего друга. Он проникся к нему особо глубокой любовью и большим уважением в процессе совместной работы в Тифлисе в 1918-1919 годах в упоминавшейся выше комиссии. Так же сильно, в свою очередь, переживали мои родители, узнав о репрессиях против трех сыновей Ов. Туманяна. В особенности это касалось Арега: ведь он долгие годы учился в нашей гимназии, и они ежедневно встречались и общались с ним...

Левон, как и сын моей сестры Ролан, и многие-многие тысячи невинных людей, зачастую в расцвете сил, стал жертвой своего смутного, такого безжалостного, жестокого времени.

В своей статье о Левоне академик Г. Гарибджанян приводит слова о его гибели из закавказской газеты «Красный воин», выходившей в Тифлисе в 1922 году: «Есть смерть, в которой острая боль соединяется с надеждой на новую прекрасную жизнь». Была надежда, была вера. Но жизнь пишется реальными обстоятельствами, а не надеждами, и, заканчивая свой рассказ о трагической гибели двух членов нашей семьи, я хотела бы подчеркнуть различие во внутренней логике обстоятельств, приведших к трагедии. Левон погиб на заре становления советской власти, беззаветно веря в светлое будущее Советской Армении, а его племянник, Ролан, был уничтожен уже утвердившейся властью, поскольку власть поняла, что он не приемлет установившегося режима.

ОТ РЕДАКЦИИ. Изумление - вот одно из основных чувств, которое испытали сотрудники «АВ», беседовавшие со старшей из ныне здравствующих членов рода Лисициан - 96-летней Назели. Быстрая, едва ли не молниеносная реакция в диалоге и обсуждениях, отличнейшая память, мягкий юмор - после таких встреч вообще как-то иначе думаешь о людях. У нас нет возможности сколько-нибудь подробно написать об этой замечательной женщине, но небольшой материал - буквально пару абзацев - мы все же хотели бы дать, назвав его «Назели».

Назели

С детства она любила танцевать. «Однажды, - вспоминает Назели, - по просьбе гостей, собравшихся в нашем доме в Тифлисе, я исполнила танец, незадолго до этого поставленный моей сестрой на музыку С. Бархударяна, которую автор почему-то назвал «В альбом». Когда я закончила танцевать, Ов. Туманян, обращаясь к присутствующим, сказал: «Почему этот танец назвали «В альбом»? Назик его танцует, пусть он и называется «Наз-пар». Так и закрепилось в народе это название. С тех пор под этим названием я исполняла его на концертах нашего ансамбля, как у нас в стране, так и на гастролях в 1926-1927 годах в Германии, и он пользовался неизменным успехом».

Окончив основанный ее сестрой в Тифлисе Институт ритма и пластики, Назели стала отличной танцовщицей и выступала в Тифлисе, Москве, в городах Германии. Но у Назели были и другие профессиональные устремления. Она увлекается экономикой, становится доктором экономических наук, автором многих научных публикаций. Ректор Финансовой

академии при Правительстве Российской Федерации проф. А.Г. Грязнова в приветственном адресе в честь 95-летия Назели Степановны, которое отмечалось в Институте экономики РАН, где она проработала с 1949 по 1992 год, писала: «Многие члены нашего коллектива помнят Ваши зажигательные речи на научных конференциях, ваше умение силой аргументов доказывать правоту высказываемых Вами суждений по сложным проблемам. Вашу элегантность и интеллигентность, мудрость наставника молодежи, человеческую доброту и сердечность».

Председатель Центробанка России В.В. Геращенко, поздравляя 5 апреля 2001 года Назели Степановну с днем рождения, отмечая ее высокие личностные качества - ее работоспособность, организованность, силу характера, высокую требовательность к себе - писал: «Вы остаетесь для нас одним из лучших представителей старшего поколения работников Госбанка СССР, у которых высокий профессионализм сочетался с глубокими научными знаниями и преподавательскими способностями».

За последнее время Назели Степановной опубликованы две статьи в журнале «Вопросы экономики», а ее доклад был напечатан в «Вестнике финансовой академии» в 2001 году. Назели Степановна вырастила троих детей, имеет семерых внуков и трех правнуков. Старший ее сын, Артур, около сорока лет проработал в системе Министерства внешней торговли СССР в разных странах мира. Младший, Левон (назван так в честь своего дяди), - кандидат химических наук. Дочь Лилия - кандидат исторических наук. После окончания исторического факультета МГУ по специальности «этнограф» она вот уже почти сорок лет работает в Институте археологии и этнографии АН РА. В семье Лисициан помнят о своих корнях. Лилия, внучка Степана Лисициана, пишет докторскую диссертацию о его вкладе в отечественную этнографическую науку.

Редакция «АВ» желает Назели Степановне здоровья и творческого долголетия.
<http://www.hayastan.ru/>